ВЫХОДИТЪ
еженедѣльно по Субботамъ. Подписка принимается во всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ Имперіи, въ С. П. и М. Почтовыхъ газетныхъ Экспедиціяхъ и въ С. П. Б., у книгопродавца Исакова.

КАВКАЗЪ.

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Годовая цѣна:
Въ Тифлисѣ 7 руб. серебромъ.
Съ пересылкою и доставкою на домъ 7-50.
Полугодовая:
Съ пересылкою и доставкою на домъ 4 р. с.

№ 27.

6 ІЮЛЯ. 1846.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 13-го минувшаго Іюня, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: Члена Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго края, Статскаго Совѣтника *Безака*, назначить Членомъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

—

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленія г. Намѣстника Кавказскаго, Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, въ 16-й день минувшаго Іюня Правительствующему Сенату даннымъ, Всемилостивѣйше соизволилъ повелѣть: находящемуся не у дѣлъ Статскому Совѣтнику *Фадѣеву* быть Членомъ Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго края.

—

— Государь Императоръ, по представленію Намѣстника Кавказскаго и Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: дѣйствіе изложеннаго въ ст. 1657 т. VI Св. Уст. тамож., изд. 1842 г., правила, по которому дозволенъ безпошлинный вывозъ изъ Одессы съѣстныхъ припасовъ и предметовъ военной одежды для войскъ, расположенныхъ на восточномъ берегу Чернаго моря, продолжить впредь до окончанія срока, назначеннаго для существованія Одесскаго порто-франко.

ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ.

Высочайшими Именными Указами, данными Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами ордена *Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра*, въ 30-й день прошлаго Марта, въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ противу Горцевъ, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Князя Аргутинскаго-Долгорукова, — *третьей степени*: Генеральнаго Штаба Полковникъ *Форстенъ*; — *четвертой степени съ бантомъ*: Тифлисскаго Егерскаго полка Маіоръ *Атышевъ*; Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитанъ *Поповъ*; Донскаго Казачьяго № 53-го полка Есаулъ *Титовъ*, и Тифлисскаго Егерскаго полка Штабсъ-Капитанъ *Коноковичъ*; въ 12-й день Апрѣля, въ воздаяніе отличія, оказаннаго въ дѣлѣ противъ Горцевъ, 30-го Ноября 1845 года при сел. Хаджалмахи, и согласно опредѣленію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова, по предоставленной ему отъ Государя Императора власти, — *четвертой степени съ бантомъ*: Адъютантъ Командующаго войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ, Генералъ-Лейтенанта Князя Бебутова, Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка Штабсъ-Капитанъ *Князь Орбеліанъ*, и Прапорщики: Минскаго пѣхотнаго полка *Басовъ* и Житомірскаго Егерскаго полка *Радолати*.

(Р. И.)

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ КАВКАЗА.

Рядовой Кавказскаго линейнаго № 11 баталіона Иванъ *Кургускинъ*, 17-го Марта 1845 года, находясь на Амиръ-Аджіюртовской переправѣ, заѣхалъ въ лѣсъ набрать хвороста и былъ тамъ встрѣченъ четырьмя Чеченцами; но, не потерявъ присутствія духа, онъ съ отважностью защищался и, хотя израненный, отбился отъ нихъ.

Въ награду таковаго подвига рядоваго *Кургускина*, г. Главнокомандующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, на основаніи Высочайше предоставленной ему власти, наградилъ его знакомъ отличія военнаго ордена.

(Изъ Приказовъ по О. К. К.).

—

Тифлисъ. 30-го Іюня, въ частномъ мужескомъ пансіонѣ г. Раевскаго происходило публичное испытаніе воспитанниковъ, въ присутствіи многихъ почетнѣйшихъ особъ города Тифлиса. Во время испытаній, особенно обратили на себя вниманіе посѣтителей своими отвѣтами воспитанники: Мих. Кахановъ, Ан. Кейзеръ, Ст. Кишмишевъ, Яс. Манденовъ и Шафи-Султанъ Бекъ. Воспитанники пансіона г. Раевскаго, согласно программѣ утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, по окончаніи полнаго курса ученія могутъ поступать въ Университеты, а за годъ до окончанія курса, въ 7 классъ Гимназіи.

—

Казакъ Ставропольскаго полка, станицы Татарки (отъ Ставрополя въ 12 в.), *Егоръ Обрубенко*, 22 лѣтъ, 10 Іюня отправился въ степь, за лошадью. Послѣ бывшихъ предъ тѣмъ проливныхъ дождей, время было жаркое; Обрубенко прилегъ на траву и уснулъ. Ему снится, что онъ пьетъ холодную воду; но вдругъ, внезапное движеніе въ желудкѣ его разбудило и онъ видитъ только, какъ конецъ хвоста змѣи изчезъ во рту его; онъ ясно чувствовалъ всѣ движенія змѣи, вползшей ему въ животъ. Когда прибѣжалъ онъ въ станицу, истопили для него баню и стали поить его теплымъ молокомъ. Въ это самое время, вечеромъ, проѣзжалъ чрезъ станицу сообщающій это извѣстіе.— Послѣ молока предполагали напоить Обрубенко чистымъ дегтемъ, надѣясь, что

ДИКЛО И ШАНАКО.

Была зима. Глубокій снѣгъ покрывалъ горы Кавказа, потоки тихо журчали подо льдомъ, стада оленей жалобно кричали, терзаемые стужею и голодомъ. Но и суровые владѣтели этихъ горъ — Лезгины, немного болѣе дикихъ звѣрей имѣли удобствъ жизни.

Въ дымной саклѣ горнаго селенія, предъ утухающимъ костромъ, сидѣлъ одиноко Лезгинъ, и вперивъ очи на тлѣющія головни, погрузился въ глубокую думу.

« Въ общей готовности къ набѣгу, сказалъ онъ въ полъ голоса, и въ согласіи избрать меня ихъ начальникомъ, нельзя сомнѣваться. Повсемѣстный голодъ — заставитъ ихъ охотно вылезть изъ своихъ берлогъ, а въ такомъ случаѣ, кто же, кромѣ меня, можетъ имъ лучше указать добычу и научить, какъ ее взять. О, Дикло и Шанако, вы теперь мнѣ поплатитесь за старую обиду и за послѣдній вашъ отказъ! Русскимъ вы платите серебренныя монеты, а мнѣ не хотѣли удѣлить частицу своего хлѣба и стадъ, — посмотримъ, не сдѣлаетесь ли вы добрѣе и сговорчивѣе!... »

Съ этимъ словомъ, вошелъ въ саклю огромнаго роста Лезгинъ, въ лахмотьяхъ, въ тулупѣ, но величавой наружности, и гордо поклонился хозяину.

— Добро пожаловать, Ахмедъ.

— Богъ да сохранитъ тебя! Общество послало меня къ тебѣ, Алдами, сказать, что пора уже сходить къ сосѣдямъ и самимъ посмотрѣть, въ самомъ-ли дѣлѣ былъ неурожай и имъ нечѣмъ съ нами подѣлиться; а то, у насъ скоро во всемъ аулѣ и одного чурека не найдется.

— Найдется ли, или не найдется, но вода стоячая гніетъ, а Лезгинъ отъ продолжительнаго бездѣйствія теряетъ удальство; — обычай предковъ запрещаетъ намъ засиживаться дома, подобно бабамъ на хозяйствѣ.

— По этимъ-то двумъ причинамъ общество и рѣшило— быть набѣгу. Но если овцы имѣютъ пастуха, то почему и намъ не выбрать изъ среды себя старшаго, который бы распоряжался походомъ. Когда надо, мы съумѣемъ повиноваться, и небойся, подчиняясь власти не растаемъ, какъ ледъ отъ зноя солнечнаго. Общество проситъ тебя, Алдами, принять начальство въ этомъ набѣгѣ и вести насъ, куда хочешь, лишь бы была добрая пожива.

— Хорошо, я согласенъ, — сказалъ Алдами спокойно, но въ глазахъ его горѣла дикая радость; — идемъ въ Дикло и Шанако. Пусть готовятся завтра выступить въ походъ.

Ахмедъ вышелъ.

Дикій горецъ жаждетъ власти всегда изъ однихъ личныхъ видовъ. Двѣ пружины отваживаютъ его иногда на удивительные подвиги: — корысть и мщеніе. Алдами, въ набѣгахъ — дерзновеннѣйшій между вольными Лезгинами, въ битвахъ — безстрашнѣе всѣхъ товарищей, пользовался уваженіемъ всего Дагестана, и не разъ, съ успѣхомъ предводительствовалъ въ набѣгахъ и грабежѣ мирныхъ жителей долинъ. Теперь, во время всеобщаго голода, онъ также былъ бѣденъ, какъ и его собратья, не занимающіеся земледѣльемъ или ремеслами, а живущіе на счетъ трудовъ сосѣдей, дѣля мечемъ между ними и собой скудные дары природы. Жители Дикло и Шанако, богатѣйшихъ селеній Чагалинскихъ Тушинъ, на границѣ горнаго Дагестана, на ровнѣ совсѣми потерпѣвъ отъ неурожая, отказали хищнымъ своимъ сосѣдамъ въ добровольной дани хлѣбомъ и скотомъ. Алдами, питая къ жителямъ этихъ двухъ селеній давнишнюю злобу, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы имъ отомстить. Посредствомъ преданныхъ ему людей, легко было внушить толпѣ о необходимости набѣга и о выборѣ его начальникомъ, и такимъ образомъ онъ достигъ своей цѣли и заранѣе радовался гибели и уничтоженію своихъ враговъ.

—

Настало утро 1-го Февраля 1838 года. Туманы, медленно скользя по ребрамъ скалъ и горъ, наконецъ приподнялись, и лучи солнца брызнули на вершины хребтовъ, одѣтыхъ въ массы льда и снѣга, и безсильные пробить, разодрать этотъ саванъ смерти, окутывающій природу, — только золотили его, осыпая радужными блестками и многоцвѣтными камнями. Уборъ былъ блестящій, ослѣпительный, но скромная зелень—отраднѣе нѣжитъ взоръ и вѣетъ на душу сладкимъ обаяньемъ. Среди этихъ горъ, увѣнчанныхъ льдами и укутанныхъ въ снѣговыя пелены, мрачно чернѣли каменныя сакли съ башнями селенія Дикло, и струи чернаго дыма, высоко надъ трубами, не зыблясь, подымались въ густомъ, морозномъ воздухѣ. Домовъ много, селеніе многолюдно; но тишь глубокая царствуетъ повсюду, какъ будто еще никто не просыпался.

Но вотъ, на площадкѣ передъ крѣпостію, показалось нѣсколько стариковъ, опирающихся на палки, и всѣ они съ любопытствомъ смотрятъ къ сторонѣ враждебной. Скоро кружокъ любопытныхъ значительно увеличился,—всадникъ скачущій къ нимъ въ селеніе, то скроется за вершиною холма, то снова покажется. Онъ торопитъ, онъ бьетъ коня, видно, что спѣшитъ.

— Я Дидо, — сказалъ пріѣзжій. Дидойцы желаютъ вамъ безопасной и мирной жизни, точно также какъ и себѣ, но не могутъ отклонить угрожающаго вамъ бѣдствія. Вы навлекли на себя гнѣвъ Алдами. Предупредите несчастіе; въ противномъ случаѣ раздраженный тигръ нападетъ на васъ внезапно, и на мѣстѣ, гдѣ возвышаются эти сакли и башни, не останется камня на камнѣ, огонь сокрушитъ ваше достояніе, жены и дѣвы содѣлаются рабынями. Не надѣйтесь на свою силу и мужество, вамъ не устоять противъ сборища цѣлаго Дагестана!

Слова Дидойца взволновали народъ. Мнѣнія были различны. Молодые требовали боя, старѣйшіе утверждали, что безполезная храбрость горсти удальцевъ не спасетъ семействъ отъ гибели. Если не мечь врага, то голодъ и холодъ во время продолжительной осады принудятъ сдаться, и что тогда послѣдуетъ! — Если же обезоружимъ хищника исполненіемъ его требованій, говорили другіе, то съ первымъ путемъ чрезъ снѣговыя горы, въ Кахетію, возвратимъ утраченное. Мнѣніе это одержало верхъ надъ другими и всѣ, при восклицаніяхъ: «да будетъ воля Божья»,—отправились по призыву жреца Деканоза—приносить жертвы умилостивленія.

Деканозъ, заколовъ нѣсколько овецъ, кровію ихъ начертилъ на лбу своемъ знаменіе креста и началъ громогласс-

вмѣстѣ съ рвотой отъ этого выйдетъ и змѣя. — За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ этой самой станицѣ, былъ такой-же точно случай съ одною женщиной, изъ которой змѣю выгнали молокомъ и легтемъ. Намъ обѣщали сообщить о послѣдствіяхъ леченія Обрубенка.

—

Издаваемый, съ Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія, при Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго, *Кавказскій Календарь* изданъ будетъ на 1847-й годъ, по той-же программѣ, какъ и на 1846-й. Въ прошедшемъ году, требованія на Календарь были такъ значительны, что Редакція принуждена была въ Январѣ приступить къ печатанію втораго изданія Кавказскаго Календаря на 1846-й годъ, и оттого г.г. подписчики, требованія коихъ поступили въ концѣ прошлаго года и въ первыхъ мѣсяцахъ настоящаго, получили весьма поздно экземпляры втораго изданія, конченнаго печатью въ С.-Петербургѣ, въ концѣ лишь Марта.

Редакція Кавказскаго Календаря, объявляя объ изданіи онаго на 1847-й годъ, покорнѣйше проситъ г.г. желающихъ получить Календарь, присылать требованія свои заблаговременно, дабы, судя по числу ихъ, печатать потребное число экземпляровъ, и имѣть тѣмъ возможность удовлетворить своевременно г.г. подписчиковъ.

Цѣна Кавказскому Календарю на 1847-й годъ *одинъ рубль серебромъ*; на пересылку прилагается *за одинъ фунтъ*.— Подписка принимается въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго, въ Тифлисѣ.

—

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПЕРЕВОДЪ БАРСОВОЙ КОЖИ.(*)

—

Въ № 15 газеты *Кавказъ*, я прочелъ отрывокъ Грузинской поэмы: Барсова кожа, переведенный г. Евлаховымъ. Изъ примѣчаній, тутъ же помѣщенныхъ, можно заключить, что г. Переводчикъ намѣренъ продолжать трудъ свой дѣятельно.

Какъ соотечественникъ Руставеля, изучавшій его твореніе,—я принимаю живѣйшее участіе въ предпріятіи подобнаго рода. Сообразивъ однакожь, настоящія средства къ успѣху и препятствія, которыя трудно преодолѣть, позволяю себѣ усомниться, чтобы услуга классической современной литературѣ, замышленная г. Евлаховымъ, могла совершиться удачно.

Объясню подробнѣе:

Поэма *Велхисъ-ткаосани* писана въ царствованіе Царицы Тамары, какъ видно изъ самаго предисловія Руставеля, слѣдов. въ XII вѣкѣ по Р. Х. Это была пора высочайшаго благосостоянія славы народной и гражданскаго величія Грузіи, золотой вѣкъ ея литературы, наукъ и образованности вообще. Никогда она, ни прежде, ни послѣ, не имѣла благопріятнѣйшихъ средствъ проявить и развить столько высокихъ поэтическихъ дарованій, какъ во время проявленія и развитія генія Руставели, современника и пѣвца Тамары.

Исполинскій трудъ созданія поэмы съ 6000 стиховъ, размѣромъ гармоническимъ, новымъ, труднымъ, замыкающимъ въ каждомъ куплетѣ по 4 рыемы вдругъ, и притомъ еще не на глагольные, поэмы, выдержанной съ изумительною роскошью картинъ и языка, съ невыразимою гибкостію, игрою и сладостію звуковъ, всегда полныхъ или мысли или увлеченія,—такой трудъ, говорю я, нетолько у народа, но даже у народовъ, повторяется не скоро.

Потому, эта книга у Грузинъ существуетъ, какъ памятникъ почтенный, какъ скрижаль мѣстнаго обожанія. Въ самомъ дѣлѣ, нося впрочемъ отпечатокъ современнаго ей вкуса Греціи, она написана до-того народно, что едва-ли найдутся Грузинскія уста, не поющія наизусть нѣсколько страницъ Закавказской Иліады? И, замѣтьте, это теперь, послѣ трехъ четвертей тысящелѣтія по смерти автора. Немного геніевъ переживаютъ такую будущность, особенно геніевъ—поэтовъ!

Картины еще дѣвственной природы той поры, изображенія патріархальныхъ ея нравовъ, особенность выраженія страстей, вылитыхъ въ роскошныя формы востока, все такъ ново теперь и у насъ, такъ интересно и поучительно образованному изслѣдователю, что, конечно, не одинъ добродушный антикварій, но мыслители и другихъ сферъ науки и изящнаго,—съ любовью и почтеніемъ увлекутся звуками гимновъ Шоты,—гимновъ то колоссально величественныхъ и звучныхъ до неба; то нѣжныхъ, грустныхъ или рыдающихъ до глубины души; то разумныхъ и сказательныхъ до простоты истины, всегда легко переходящей въ пословицу.

Чтобы перевесть Велхисъ-ткаосани хорошо, и достигнуть классической цѣли труда, надо сохранить въ переводѣ всѣ отличительныя качества подлинника: перевесть иначе, значитъ пересказать только содержаніе поэмы. Силу впечатлѣній оригинала составляетъ, конечно, содержаніе его драмы, но разсказъ драмы, облеченный въ одежду мыслей, выражающихъ современность, въ гармонію звука и игру фразъ свойственныхъ языку и вкусу, наконецъ въ теплоту и наивность, съ которыми онѣ сказаны дѣйствующимъ лицемъ и переданы авторомъ. Отнимите все это-останется трупъ. Авторъ исчезнетъ въ изуродованной пародіи своего творенія, и чтоже пріобрѣтетъ словесность? — ничего. Между тѣмъ, въ настоящее время, при повсемѣстномъ незнаніи Грузинскаго языка, почти только одни Грузины, изучившіе языкъ Русскій, могутъ быть истинными цѣнителями перевода *Велхисъ-ткаосани*.

Г. Евлаховъ, видя тьму препятствій въ темнотѣ нѣкоторыхъ фразъ патріархальнаго языка Шоты, неодолимое для себя затрудненіе перелагать на русскій надъ роскошныя фразы востока и проч. — рѣшился пересказывать намъ только содержаніе поэмы; и то невѣрно, сбивчиво, съ прибавками, убавками и другими погрѣшностями противу оригинала. Всего же болѣе жалко то, что г. Евлаховъ рѣшился понимать совершенно навыворотъ благороднѣйшія мѣста Автора; напримѣръ, вмѣсто того чтобы сказать: *слезы кипящаго сердца убили цвѣтъ его розы:* т. е. лица (купл. 53 стихъ 3.)— у г. Евлахова выходитъ: что пришлецъ сидитъ пригорюнясь и плачетъ, а слезы, какъ роса, увлажаютъ цвѣты. Не могу также найдти у Автора, гдѣ тутъ сидящій пришлецъ стопами на мечь опирался? А изъ 55 купл. въ которомъ, между прочимъ, сказано: *въ нихъ дождь росилъ хрустали* (т. е. слёзы) *изъ канала черныхъ камней* (т. е. изъ глазъ), у Переводчика вышло, не знаю какъ, что: по небу тучи, какъ тѣни, скользили, и на странника падалъ алмазными каплями дождь, роскошныя кудри его омывая. и проч. и проч;— изъ рукъ вонъ!

Если г. Евлаховъ не надѣялся на собственныя силы, почему-жъ онъ не поруководствовался трудомъ другаго переводчика, который прежде его погрузился въ 7-ми вѣковую древность Закавказской Иліады, и побѣжалъ за призраками генія въ новый, чудный міръ, созданной Авторомъ Барсовой Кожи, на рубежахъ баснословія и Исторіи. Я говорю здѣсь о переводѣ той же поэмы г. Бартдинскаго, большой отрывокъ котораго, почти въ 600 стиховъ, помѣщенъ былъ въ прошлогоднихъ листахъ Иллюстраціи, № № 6 и 7-й. Этотъ переводъ и добросовѣстенъ и близокъ, передаетъ автора изъ мысли въ мысль, изъ куплета въ куплетъ, изъ строки въ строку. Сверхъ того, сохраняя всю теплоту и достоинство разсказа, онъ еще многое проясняетъ въ подлинникѣ. Г. Евлаховъ вѣрно не читалъ его, потому что, въ то время газета Иллюстрація, только что образовалась, была юна, не имѣла много подписчиковъ, слѣдовательно и читателей. Очень жаль, тогда бы онъ увидѣлъ, съ какимъ святымъ чувствомъ приступаютъ люди къ скрижалямъ народнаго образованія, съ какой предчувствіемъ дарованія и любовію къ славѣ автора передаютъ своимъ соотечественникамъ, сокровища иной страны, инаго вѣка.

Я помѣщаю здѣсь, съ позволенія Автора, и нарочно на этотъ предметъ посланіе г. Бартдинскаго къ Свѣтлѣйшему Князю Г.-Л. Дадіану Мингрельскому, въ которомъ онъ приглашаетъ его, какъ поэта и соотечественника Руставели, соединить съ нимъ труды свои, для перевода Барсовой кожи. Далѣе слѣдуетъ переводъ его-же Бартдинскаго, того самаго отрывка изъ поэмы, который изсказилъ г. Евлаховъ такъ безжалостно. Д. Ч....

—

Къ Князю Г.-Л. Дадіану Мингрельскому.

На родинѣ твоей, среди глухой дубравы,
Подъ сѣнію развѣсистыхъ вѣтвей,
Сокрытый отъ лучей, отъ взоровъ и отъ славы,
Кипитъ гремучій ключь обильною струей.
Глубокихъ водъ его таинственныя волны
Текутъ, какъ схимника таинственная рѣчь,
И въ тѣхъ волнахъ, живыхъ событій полныхъ,
Отцевъ твоихъ, быть можетъ, ржавитъ мечъ.

Столѣтья минули, — а таинства святыни
Еще никто народамъ не раскрылъ,
И ключь по прежнему гремитъ въ глухой пустынѣ,
И свѣтъ луча къ нему, какъ прежде, не пробилъ.
Пора, пора сломать печать забвенья,
И въ глушь вѣковъ промять себѣ слѣды:
Дай руку мнѣ, питомецъ вдохновенья,
Пойдемъ къ ключу испить живой воды.
Я чувствую вліянье благодати,
И можетъ быть, завѣтную скрижаль
Исторгнемъ мы изъ тѣхъ скупыхъ объятій,
Которымъ прошлаго для будущаго жаль.
Пора, пора сломать печать забвенья,
И въ глушь вѣковъ промять себѣ слѣды; —
Дай руку мнѣ, товарищъ пѣснопѣнья;
Идемъ къ ключу испить живой воды.

И. Бартдинскій.

(*) Редакторъ Газеты *Кавказъ* получилъ статью эту изъ С.-Петербурга и охотно печатаетъ ее, въ убѣжденіи, что дѣльная критика на статьи *Кавказа* и общія усилія знающихъ Литературу, Исторію и Этнографію края, — дадутъ возможность газетѣ достигнуть предназначенной ей цѣли.

ню молитву: «Святый Боже, Святый Георгій, Святая Троица, Святой Ѳеодоръ, образъ Лашарскій, образъ Копалскій, образъ Хахмедскій, — вы единодушно явите надъ нами чудеса своего всемогущества и милосердія! Даруйте побѣду [illegible] врагами, защитите насъ отъ бури, града, голода, жаж[illegible] наводненія, отъ скатывающихся съ горъ камней, отъ [illegible]овъ и клеветы женской.»— Аминь, Аминь, повторили въ одинъ голосъ присутствующіе и раздѣлили между собою мясо жертвъ.

Солнце закатилось, и для Дикло-въ послѣдній разъ. Мракъ ночи обхватилъ окрестность и зловѣщая буря завыла въ ущеліи, срывая снѣжные холмы, и крутя снѣжную пыль въ воздухѣ, заметала сакли и башни. Подъ ея страшный вой и свистъ, жители Дикло спали покойно, не слыша ни рева бури, ни воя псовъ.

Вдругъ ружейный выстрѣлъ разбудилъ несчастныхъ, и не для радости;—10 тыс. Дагестанцевъ окружили Дикло.

Осажденные просили мира, отдавая хищникамъ все свое добро за пощаду жизни и свободы.

— Щажу васъ, сказалъ Алдами; но нѣтъ пощады жителямъ Шавако! —

Диклойцы исполнили всѣ его требованія и дали въ аманаты 16 старшинъ. Послѣ чего, размѣнявшись съ врагами пулями, по обычаю, видя съ радостію, какъ толпы хищни[illegible]

Въ полчищѣ Алдами поговаривали: «Мы наслѣдовали отъ отцевъ оружіе съ тѣмъ, чтобы имъ добывать себѣ хлѣбъ и славу . . . Знаетъ Аллахъ, что мы не хотѣли обидѣть Диклойцевъ, но взять лишь однихъ барановъ и ни одного плѣннаго, не выстрѣлить ни раза . . . . Намъ жизнь не въ жизнь, безъ боя . . . »

Алдами тоже былъ задумчивъ;— звѣрство заглушало въ немъ святость даннаго слова; онъ съ скорбію посматривалъ на изчезающее вдали Дикло, а ропотъ войска еще болѣе разжигалъ въ немъ жажду корысти и убійства.

Не долго боролись въ немъ эти чувствованія. Свинецъ изъ дула съ дагестанскаго хирима запрыгалъ по кровлямъ и гранитнымъ плитамъ башенъ Дикло. Багровое пламя разлилось повсюду и столбы дыма вознеслись къ небу и слились съ клубами утренняго тумана, разносимаго порывами бури: звукъ оружія, вопли и проклятія бьющихся, стоны умирающихъ—сливались съ воемъ вѣтра и потрясли бы душу самаго равнодушнаго зрителя; но такого здѣсь не было. Одни губили; другіе гибли и только тѣ еще надѣялись уцѣлѣть, которые усп[illegible] [illegible]ачалѣ нападенія запереться въ крѣпости.

16 Старшинъ, в[illegible] [illegible]ъ аманаты, видя гибель родины и своихъ семейств[illegible] [illegible]чаяніи грызли оковы наложенныя на нихъ ков[illegible] и измѣною. То въ изтупленіи

какъ дара, то призывали на главу ихъ мщеніе Русскихъ.

Алдами, сверкая гнѣвными очами, слушалъ дерзкія рѣчи плѣнниковъ и наконецъ, дико улыбнувшись, сказалъ окружающимъ: «Посвятите головы ихъ Аллаху, дабы онъ не внялъ ихъ мольбамъ и не послалъ на насъ Русскихъ! »

— Праведное мщеніе—угодно Аллаху, сказали исполнители воли кровожаднаго начальника, и по очередно стали казнить несчастныхъ старцевъ.

Это было вблизи крѣпости. Десятилѣтній мальчикъ, скрытый въ одной изъ ея башень, съ ужасомъ смотрѣлъ сквозь бойницу на эту кровавую, ужасную сцену. Вдругъ, онъ видитъ въ числѣ присужденныхъ къ смерти и своего отца. Онъ быстро обернулся, зоветъ мать, сестру;— онѣ, въ порывѣ отчаянія, не внимаютъ ему. Глаза ребенка засверкали какимъ то страшнымъ пламенемъ, губы дрожали, произнося невнятныя рѣчи . . . онъ взглянулъ въ бойницу . . . отца его подвели къ кровавому мѣсту, гдѣ уже десятокъ головъ его товарищей плавали въ собственной крови . . . Въ порывѣ отчаянія, быстрѣе молніи, мальчикъ пригнулъ къ противуположной стѣнѣ, схватилъ ружье, трепещущею рукою прицѣлился, выстрѣлилъ и палачь свалился на трупъ его отца! Съ этой минуты, выстрѣлъ за выстрѣломъ раздавался изъ башни,—и вотъ уже десятый изъ окружающихъ Алдами—палъ мертвымъ. Толпа разбѣжалась.

Тотъ изъ насъ, кто доставитъ мнѣ голову дерзкаго, тра-

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

ТАРІЕЛЬ, БАРСОВА КОЖА.

ійскій царь Ростеванъ, утомленный облав-
отой, отдыхаетъ подъ деревомъ, посреди
войскъ и свиты. Двѣнадцать тѣлохранитель-
кихъ недалеко стоятъ и смотрятъ на дру-
ъ рѣки.

—

ъ...А юноша дивный сидитъ у потока
и плачетъ,
ъ левъ; въ поводу онъ держитъ коня
воронаго.
о и приборъ разубраны жемчугомъ
пышно....
слезами тоски объливевшъ свѣжую
розу.
ены красавца окинуты кожею барса,
кей покрыто чело молодаго героя.
лій, окованный кнутъ, толще руки
Голіафа.

Узрѣли,—и взоровъ отвесть не могли, удивляясь
видѣнію!

55. И воинъ пошелъ отъ царя звать юношу
полнаго скорби,
Поникшаго блѣднымъ челомъ, съ очами безъ жизни
и взора,
Въ нихъ слезы дождили кристалы изъ жолобовъ
чернаго шёрла.
Увидя то, рабъ онѣмѣлъ,—не до рѣчей ему стало!
56. Проникнутый чувствомъ, онъ сталъ, не осмѣ-
лясь начать къ нему рѣчи.
И долго глядѣлъ съ изумленьемъ, стараясь скрѣ-
пить свое сердце.
Потомъ, подойдя осторожно, донесъ ему царскую
волю....
Но юноша, плача, не внемлетъ; онъ чуждъ впе-
чатлѣнію жизни.
57. Тутъ море тоски, онъ не можетъ слышать по-
сланника рѣчи,
Ни криковъ веселыхъ отъ войскъ, разсыпанныхъ
вдоль по зарѣчью.
Непостижимо рыдало то сердце, упавшее въ пламя,
Плачь съ кровью прохлынивалъ въ очи, какъ вол-
ны сквозь щели преграды!
58. Далеко леталъ онъ душой подъ мрачнымъ влія-
ніемъ думы,
Напрасно смущенный посолъ повторилъ ему волю
владыки;
Онъ его вновь не услышалъ, слезъ и тоски не поки-
нулъ,
И устъ не раскрылъ,—этихъ устъ, подобныхъ мла-
денчеству розы.
59. Когда онъ оставилъ посла безъ отвѣта, посолъ
воротился,
И такъ Ростевану донесъ:—говорилъ, но онъ слы-
шать не можетъ.
Померкли глаза мои, будто отъ солнца,—а сердце
печально:
Не могъ я дозваться его, за тѣмъ и промѣшкалъ
такъ долго.
60. Прогнѣвался царь оскорбленный, вскипѣло въ
немъ сердце обидой,
Двѣнадцать онъ стражей позвалъ, стоявшихъ при
немъ безотлучно,
И отдалъ такой имъ приказъ: возьмите оружье для
боя,
Идите привесть мнѣ сюда того, кто сидитъ у потока.
61. И воины быстро пошли, послышался звукъ
отъ оружій ...
Очнулся тогда только онъ, полный и слезъ и печали!
Окинувъ глазами вездѣ, увидѣлъ идущихъ онъ
стражей,—
И тяжко, тяжко вздохнулъ, но въ встрѣчу имъ
слова не молвилъ.
62. Руку лишь поднялъ къ очамъ, слезы горячія
выжалъ,
Поправилъ оружье, потомъ ободрилъ мускулистыя
руки,
Сѣлъ на коня и поѣхалъ сторонкой, не бросивъ на
стражу
Ни взора вниманія, царю невылечивъ сердца въ
недугѣ.
63. Но воины руки простерли, чтобы взять моло-
даго упрямца:—
Горе, что съ ними сбылось, то видѣть врагу было
бы жалко!
Онъ билъ другъ-о-друга ихъ всѣхъ,— для помо-
щи не было мига,—
Иныхъ убивалъ онъ кнутомъ, разсѣкая по самыя
груди.
64. Безъ мѣры прогнѣвался царь, «за нимъ!» онъ
скомандовалъ войску.
А юноша такъ же безпеченъ, покамѣсть его не
нагнали,
Но тѣхъ, кто его настигалъ, онъ впрахъ превра-
щалъ, и могучій,
Людями въ людей металъ и тѣмъ унижалъ Ро-
стевана.
65. Возсѣлъ государь съ Автандиломъ на быстрыхъ
коней и погнались,
А юноша гордъ и безпеченъ, ѣдетъ, да зыблется
станомъ,
Конь его движется тише, чѣмъ лучь разостлав-
шійся въ полѣ,
Но чувствуетъ всадникъ: за нимъ звучно несется
погоня....
66. Увидя ужъ близко царя, стегнулъ кнутомъ
свою лошадь,
И мигомъ отъ взоровъ изчезъ, какъ духъ. И похоже
то было,
Что онъ или къ небу взлетѣлъ, или вдругъ про-
валился сквозь землю....
Искали слѣдовъ,—не нашли и слѣда, забытаго въ
полѣ!

П. Бартдинскій.

РЕЛИГІОЗНЫЕ ОБРЯДЫ

ОСЕТИНЪ, ИНГУШЪ И ИХЪ СОПЛЕМЕННИКОВЪ, ПРИ РАЗНЫХЪ СЛУЧАЯХЪ. [*]

—

Статья I.

Бо́льшая часть жителей Владикавказскаго округа, состоя изъ двухъ главныхъ племенъ: Осетинскаго и Чеченскаго (**), исповѣдуютъ по наружности вѣру Православную; другая, меньшая — Магометанскую, и наконецъ, третья часть жителей суть Язычники. Ни гдѣ по всему Кавказу, Христіанская религія не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ этомъ округѣ.—Господствующее населеніе его, преимущественно простой народъ, исповѣдуютъ Христіанство, имѣютъ свои церкви, священниковъ, и раздѣлены на приходы. *Аллагирцы*, *Куртатинцы*, *Чемитинцы*, *Дигорцы* и *Джерахи* почти всѣ Христіане; *Тагаурскаго* и *Назрановскаго* обществъ $^2/_3$ жителей Христіанскаго Исповѣданія. — Но религія здѣсь остановилась не на высокой степени набожности; мужчины слабо ее придерживаются, женщины еще слабѣе; слѣдуя обычаю никуда не выходить изъ дома и не показываться мужчинамъ— онѣ никогда не бываютъ въ церквахъ.

Магометанства держатся фамиліи Старшинъ, и нѣкоторыя другія; эта религія сохраняется строже, особенно у Старшинъ, потому что они имѣютъ средства пользоваться многоженствомъ, а во вторыхъ, отъ худаго толкованія словъ: Христіанинъ и крестьянинъ, Старшины полагаютъ, что принявъ Православную вѣру, лишатся своего достоинства и сравняются съ своими холопами; эти причины удерживаютъ ихъ отъ перемѣны вѣры. — Чернь, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ ничего не теряющая, охотно клонится на сторону той религіи, которая болѣе оказываетъ покровительства, и менѣе требованій.

Наконецъ, язычества явно придерживаются горскія общества: *Кистины*, *Галгаи*, *Цари*, часть *Ингушъ* некрещенныхъ. — Не гласно: всѣ остальные Ингуши, и всѣ Осетины Христіанскаго Исповѣданія, преимущественно въ горахъ живущіе, у которыхъ до сихъ поръ осталось множество самыхъ грубыхъ обрядовъ идолопоклонства, и теперь исполняемыхъ.

Причиною такаго смѣшенія религій, можно полагать то, что, живя въ срединѣ Кавказскаго хребта, имѣя сношенія съ Закавказьемъ, на жителей этаго округа съ давнихъ поръ дѣйствовали, съ юга отъ Грузинъ: Христіанство, съ запада и съ сѣвера, отъ Кабардинцевъ: Исламизмъ. Туземцы, склоняясь, то подъ иго Грузинъ, то подъ власть Кабардинцевъ, принимали попеременно ученье тѣхъ и другихъ, и наконецъ, перемѣшавъ всѣ понятія, остались при своемъ грубомъ невѣжествѣ.— Политика ихъ въ этомъ случаѣ была обыкновенная всѣмъ слабымъ, побѣжденнымъ: принимать до времени формы побѣдителей, и держатся упорно своего. — Теперь, при нашей вѣротерпимости, при нашихъ усиліяхъ — сколь можно болѣе кроткими средствами образовать этихъ дикарей, туземцы худо понимая настоящую цѣль Правительства, сдѣлались въ отношеніи религіи ни то ни сё: Мулла свободно кричитъ при колокольномъ звонѣ, Кистинскій кумиръ *Гальердъ* покойно стоитъ въ старой оставленной церквѣ царицы Тамары.

Странно, прискорбно видѣть это смѣшеніе религій, и такое полное небреженіе ко всѣмъ; такъ наприм: Осетинъ считается Христіаниномъ, а между тѣмъ, подъ разными предлогами и названіями, имѣетъ нѣсколько женъ, брѣетъ волосы, дѣлаетъ омовенія, обряды же церковные при свадьбахъ, похоронахъ исполняетъ языческіе, приноситъ жертвы кумиру, никогда не ходитъ въ церковь, не знаетъ, что такое Іисусъ; и въ то же время почитаетъ Михаила Архангела, Пророка Илію; семейство его слѣдуетъ его же примѣру. — Поправдѣ, и Мусульмане не лучше Христіанъ, исповѣдуя Секту *Суни*, не многіе изъ нихъ всѣ предписан-

(*) Свѣденія эти собраны г. Академикомъ А. М. Шегреномъ.

(**) Народы Осетинскаго племени, обитающіе на сѣверной покатости Кавказскаго хребта, отъ Казбека въ низъ по лѣвому берегу Терека, до равнинъ Кабарды, суть: *Тагаурцы*, *Аллагирцы*, *Куртатинцы* и *Дигорцы*. — Чеченскаго племени, живущіе по той же покатости, вдоль лѣваго берега Терека до Кабарды и равнинъ малой части, суть: *Джерахи*, *Кистины*, *Галгаи*, *Цари* и *Назрановцы* или *Ингуши*. — Языкъ послѣднихъ не понятенъ для Осетинъ и обратно. — Но въ обычаяхъ и обрядахъ ихъ много сходства.

буй отъ меня чего хочешъ! сказалъ Алдами.

Всѣ молчали.

Наконецъ вызвался какой-то Лезгинъ унять отчаяннаго стрѣлка. Онъ подкрался къ башнѣ съ противуположной стороны, подкопался подъ фундаментъ, зарылъ немного пороха, зажегъ фитиль—и удалился. Черезъ нѣсколько минутъ блеснулъ огонь, грянулъ взрывъ, и часть стѣны обрушилась. Лезгины бросились въ проломъ, вытащили изъ башни нѣсколькихъ женщинъ и дерзкаго стрѣлка 10-ти лѣтняго мальчи-. Его привели на мѣсто казни, и надъ трупомъ отца пре-ли самымъ жестокимъ мукамъ. Ребенокъ умеръ съ ге-ойскою силою духа, не оказавъ малѣйшаго признака стра-ха, не испустивъ ни малѣйшаго стона.

Дикло было разрушено; развалины и трупы остались на мѣстѣ богатаго селенія, и по уходѣ полчищъ Алдами, горные орлы и дикіе звѣри довершали хищничество. Остальные жители были увлечены въ плѣнъ. Одна только несчастная мать героя — ребенка, съ дочерью, спаслась чудомъ, и прибѣжавъ въ Шанако, сообщила его жителямъ объ ужасномъ жребіи Дикло и грозѣ, сбирающейся надъ ихъ собственнымъ селеніемъ.

Шанакойцы, огражденные крѣпкою мѣстностію и баш-нями, приготовились къ отчаянному отпору, давъ другъ другу обѣтъ — умереть, защищая родной аулъ.

Алдами налетѣлъ на нихъ съ стаей своихъ волковъ; но заскрежеталъ зубами, увидѣвъ твердую рѣшимость Шана-койцевъ встрѣтить его огнемъ и мечемъ. Противъ вѣрной опасности и при сомнительномъ успѣхѣ, отвага изчезаетъ у хищниковъ;— они медлили атаковать приготовившихся къ отпору.

Межъ-тѣмъ, молва о гибели Диклойцевъ разнеслась по окрестностямъ;—собранная начальствомъ милиція изъ Цовцевъ, Хевсуровъ и Пшавовъ, совершивъ трудный переходъ черезъ снѣговыя горы, — окружила Алдами подъ башнями Шанако. Послѣ упорной битвы, Алдами бѣжалъ, потерявъ всю добычу и оставя на мѣстѣ сотни тѣлъ приведенной имъ ватаги.

Приблизясь къ своему аулу, онъ послышалъ какой-то отдаленный грохотъ, подобный раскату грома и сталъ вслушиваться.

— Это выстрѣлъ русскихъ пушекъ, сказалъ старикъ, его односелецъ, ведомый подъ руки мальчикомъ,—видишъ, я бѣгу далѣе, въ горы. Почти всѣ аулы и укрѣпленія Лезгинскіе, на долинѣ, въ рукахъ Русскихъ, и самъ Шамиль, разбитый на голову, бѣжалъ въ Чечню. Спасайся бѣгствомъ, если не хочешъ погибнуть.

Вдругъ за горой, грянули барабаны, черезъ мгновеніе блеснули штыки и баталіонъ солдатъ вошелъ въ аулъ.

Алдами, какъ-бы свыше наказуемый за вѣроломное истребленіе Диклойцевъ, потерявъ добычу, товарищей и родной кровъ, долженъ былъ бѣжать, и съ тѣхъ поръ скитался, какъ нищій, безъ пристанища, безъ довѣрія единоземцевъ, въ безславіи и бѣдности.

Тушинецъ Иванъ Цискаровъ.

ОТВѢТЪ РЕДАКЦІИ КАВКАЗА

Пѣвцу Мазандаранскому.

—

Редакція газеты *Кавказъ*, на полученное ею письмо изъ Шемахи, и подписанное только заглавными буквами П. М., имѣетъ честь увѣдомить особу, обѣщающую *знакомить новый Кавказъ со старымъ, свѣдѣніями основанными на опытности* (той особы) *и сочиненіяхъ знаменитыхъ восточныхъ писателей, подъ именемъ пѣвца Мазандаранскаго*,— что Редакція съ благодарностію пріиметъ всякій даръ, проистекающій отъ опытности и сочиненій знаменитыхъ восточныхъ писателей, справедливо заключая, что на этихъ только данныхъ можно основать авторитетъ *Кавказа*.

ные обряды знаютъ хорошо, еще меньшее число ихъ исполняютъ. Муллы сами—народъ не совсѣмъ толковой, и только то имѣютъ преимущество въ народномъ мнѣніи, что выбираются изъ среды ихъ самихъ.

А между тѣмъ, остатки большаго числа церквей въ ущельяхъ Кистинскомъ и Куртатинскомъ, находимыя тамъ книги, сосуды, вещи и деньги, почитаніе язычниками Христіанскихъ Святыхъ и названія ихъ, все ясно доказываетъ, что жители этого округа были прежде Христіане, отступившіе отъ вѣры при безпрерывно перемѣнявшемся владычествѣ надъ ними, то Кабардинцевъ, то Грузинъ, то наконецъ Русскихъ; и что они, пользуясь этимъ переходомъ, обратились опять къ своимъ кумирамъ.—Такъ Ингуши, выходцы Кистинцевъ, въ 1810 году, при вступленіи въ подданство Россіи, были опять язычники, и клялись въ вѣрности, почитаемымъ ими за святыню кумиромъ *Гальердъ;* а въ условіи заключенномъ ими по этому случаю прибавили статью: что ихъ обрядъ идолопоклонства остается при нихъ не нарушимъ; тогда какъ преданія горцевъ, и вышеприведенные памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣкогда они были Христіане. Съ 1820-хъ годовъ, Русскіе Миссіонеры начали обращать Ингушъ въ Христіанство, и безъ большихъ усилій достигли до приведенія въ Православіе $^{2}/_{3}$ народонаселенія.—Ингуши соглашались быть Христіанами; — но и теперь ихъ можно скорѣе назвать язычниками, ибо и теперь они ходятъ на поклоненіе кумиру *Гальерду*, принося ему жертвы.

Таково религіозное состояніе жителей Владикавказскаго округа; всѣ племена онаго вѣрятъ въ Бога, въ будущую жизнь въ раю и въ аду, въ святыхъ, которые у самыхъ язычниковъ носятъ Христіанскія названія, и почитаютъ нѣкоторыя мѣста Святыми. — Богъ по Осетински *Хцау*, по Ингушски *Деалле*,—всемогущъ; отъ него проистекаетъ все хорошее и худое. Рай по Осетински *Дзенетъ*, по Ингушски *Агаретъ*.—Горцы вѣруютъ, что въ будущей жизни, просвѣщенные получатъ достойное вознагражденіе за добрую жизнь въ этомъ свѣтѣ, что соединясь всѣ въ одно семейство, будутъ наслаждаться: многоженствомъ, гуляньемъ въ хорошихъ садахъ и хорошею пищею; что убитый противъ непріятеля поступитъ прямо въ рай, и враги его будутъ ему прислуживать, что такой убитый пользуется завиднымъ выбирать кого либо изъ родственниковъ товарищи себѣ въ раю, и потому объ родственники не плачутъ, а напротивъ радуются его счастію.

Адъ, по Осетински *Зенъ-донъ*, по Ингушски *Джіоджагетъ*; горцы представляютъ себѣ его большимъ огненнымъ озеромъ, въ которомъ грѣшники будутъ мучиться. — Самое слово *Зенъ-донъ*, въ буквальномъ смыслѣ значитъ: трудная вода. Но понятія о мукахъ и наказаніяхъ не очень опредѣлительны; многіе смертные грѣхи, какъ на примѣръ кровомщеніе, почитаются у горца добродѣтелью; а убить просто человѣка — не врага — почитается грѣхомъ. — Украсть и быть обличеннымъ въ воровствѣ, считается грѣхомъ, а украсть молодецки, — считается за славу.

Понятія о будущей жизни вообще заключаются въ слѣдующемъ: горцы полагаютъ, что будутъ жить вѣчно въ раю, и непремѣнно каждое семейство соединится и тѣломъ и душою, въ томъ самомъ видѣ, какъ было на этомъ свѣтѣ; для сего на кладбищахъ, членовъ одного семейства хоронятъ вмѣстѣ; гдѣ бы ни умеръ кто, его стараются привезти на свое кладбище, и похоронить, гдѣ слѣдуетъ, чтобъ не разрознивать на томъ свѣтѣ. — Нерѣдко жена, послѣ смерти мужа, возвращается къ своимъ родителямъ; но когда она умретъ, родные мужа требуютъ ея тѣла, чтобъ похоронить около мужа, считая, что если разъ заплаченъ калымъ, то жена вѣчно остается рабою мужа. — *О сотвореніи міра* горцы рѣшительно не имѣютъ никакаго понятія; сколько я ни старался распрашивать ихъ объ этомъ, получалъ почти одинъ отвѣтъ: мы живемъ, отцы наши жили также, у насъ довольно хлѣба, всякаго скота, и у нихъ было тоже—и такъ у всѣхъ, до насъ жившихъ. На слишкомъ сильную метафизику они отвѣчали презрительнымъ,—*Хацъ*, (не знаю), съ качаньемъ головы; впрочемъ, у нихъ есть названія первыхъ двухъ людей Адама и Евы, *Аданъ-Аме*.

Горцы вѣрятъ въ существованіе Ангеловъ, помощниковъ Божіихъ на землѣ, въ добрыхъ и злыхъ духовъ, и въ сатану. Дьяволъ по Осетински *Хайрекъ*, по Ингушски *Эль-Бись*. По ихъ понятіямъ, въ каждомъ мѣстѣ существуетъ злой духъ, который старается напроказить людямъ; въ иныхъ мѣстахъ являются по ночамъ тѣни, въ другихъ злой духъ забавляется зажиганіемъ сѣна, или переноскою съ мѣста на мѣсто. — Многіе не шутя увѣряютъ, что видѣли дьявола; и разсказываютъ объ этомъ преподробныя исторіи.—«Ѣхалъ «я разъ Кубанскимъ лѣсомъ, говорилъ мнѣ одинъ «старикъ — смотрю на верхъ, а тамъ, на одномъ «сучкѣ сидитъ кто-то, поджавъ ноги по-грузински; «глядитъ на меня, шипитъ и дразнитъ языкомъ.— «Я подумалъ про себя: вѣрно это нечистой духъ?— «Я проѣхалъ мимо его, и потомъ, ударивъ плѣтью «лошадь, сказалъ: надо бѣжать; и духъ мнѣ от«вѣтилъ: надо бѣжать; тогда я поскакалъ и на«чалъ плевать, и онъ мнѣ тоже плевалъ во слѣдъ.»

Святые, почитаемые всѣми горцами, безъ исключенія, суть большею частію Христіанскіе; праздники тоже совпадаютъ съ нашими; къ числу такихъ святыхъ принадлежатъ: *Михаилъ Архангелъ*, почитаемый даже чистыми идолопоклонниками Галгаями. *Пророкъ Илія* въ уваженіи у всѣхъ; онъ считается покровителемъ скотоводства и земледѣлія: вездѣ ему воздаютъ особыя почести, празднуютъ его день, и приносятъ ему жертвы. Святой *Матѳей* — ть его у Кистиновъ имянуется гора его и Святой *Георгій Побѣдоносецъ* почитается овителемъ путешествующихъ, и всѣхъ д ему молятся и приносятъ жертвы отправляя йну, въ набѣгъ, или въ дорогу. — Святая *Марія* почитается у всѣхъ покровительницею ескаго благополучія и плодородія; ей молятся и приносятъ жертвы послѣ всякаго разрѣшенія отъ бремени. — Въ честь ея у Осетинъ есть мужское имя *Майрамъ* (Марій) и названа пятница *Майрамъ бонъ* (Марьинъ день). Кромѣ того, у всѣхъ есть свои языческіе угодники и священныя мѣста; ихъ очень много, и большею частью въ почитаніи только у одного племени, даже у одного аула, а другими не уважаются; не многіе имѣютъ честь быть извѣстными на дальнее разстояніе. — Такіе святые — у Осетинъ, *Хцау-дзуаръ*, *Фридъ-дзуаръ*; святое мѣсто *Цомадикавзадъ*, у Ингушъ *Гушмалс*. — Всѣмъ вообще Святымъ дѣлаются праздники и приношенія, въ разное время года.

—

II. ПРАЗДНИКИ.

Празднества, дѣлаемыя у всѣхъ горцевъ, безъ исключенія, бываютъ: 1) Новый годъ. Осетины празднуютъ его въ одинъ день съ нами; Ингуши стины, Галгаи тремя днями ранѣе нашего; у дѣлаются наканунѣ праздника гаданія.—2) Тр которую большею частью празднуютъ одни С ны. — 3) День Пророка Илья празднуютъ и тины всѣхъ племевъ, и Ингуши съ ихъ менными обществами; у Осетинъ передъ комъ дѣлается гаданье, которое пользуетс ностью у Кабардинцевъ и Чеченцевъ.

Праздникъ святому дѣлается разъ рѣдко болѣе одного дня; ему приноси простыя или по обѣщанію, дѣлаютъ скачку, стрѣляютъ, пьютъ, ѣдятъ.— нія жертвъ и для молитвъ, выбира горъ окружающихъ аулъ, которая части получаетъ названіе того жертвы на ней приносятся; гора того, чтобъ молитвы просящихъ соты доходили до кого слѣдует вается изъ камня жертвенникъ. къ которымъ собираются, съ дарам въ назначенный день. Каждое семе ляетъ у себя дома, что есть лучшаго: варитъ пи раку (просяная водка), лоби (фасоль), печетъ чу рекъ (просяной прѣсной хлѣбъ), жаритъ баранину говядину и т. д.; въ день праздника, все приготовленное взносятъ на гору, перемѣшиваютъ и составляютъ общую трапезу. — Иные дѣлаютъ жертвы по обѣщанію, и приносятъ ихъ тоже въ день праздника на гору. Приношенія эти состоятъ изъ денегъ, сосудовъ мѣдныхъ, или серебряныхъ нарочно для святаго отлитыхъ, и другихъ вещей,— кто что обѣщалъ; они остаются навсегда при жертвенникѣ, а если въ горѣ есть пещера, то въ ней и считаются неприкосновенными.—Множество по вѣрій существуетъ въ народѣ на счетъ святост подобныхъ мѣстъ, куда никто не входитъ, кром праздничнаго дня; въ противномъ случаѣ, тотъ кто рѣшится нарушить этотъ обычай, или умретъ или ослѣпнетъ, или ротъ у него скривится, по мнѣнію народа; невѣжество, и выгоды жрецов этихъ таинствъ укореняютъ подобные предра судки. Когда соберутся всѣ жители, каждый с своимъ приношеніемъ,—тогда старикъ, облеченный въ званіе жреца, подходитъ къ жертвеннику начинаетъ читать молитвы; обыкновенный смыс ихъ бываетъ такого рода: сперва обращаются к святому, котораго празднуютъ, прося его о защ тѣ и покровительствѣ; потомъ просятъ Илію Пр рока, о покровительствѣ стадъ; святаго Г объ успѣхѣ предпринимаемой доро чтобы просящимъ все было хорош валось, непріятелямъ ихъ б чтобъ когда ѣдутъ на грабе предпріятіе это увѣнчалось успѣхомъ, если же просящимъ пріѣдетъ съ тою же цѣлью непріятель, то чтобъ не имѣлъ успѣха, и его можно было поймать во время.—Въ заключеніе всей молитвы, обращаются къ Богу: о ниспосланіи всѣхъ благъ на землю ихъ, и всѣхъ золъ на враговъ просящихъ. — По окончаніи молитвы, съ разрѣшенія жреца, начинаютъ ѣсть и пить принесенное, плясать, веселиться, и уже непремѣнно стрѣлять: стрѣльба есть необходимая принадлежность всякаго сборища. — Веселости эти продолжаются до глубокой ночи. — Таковъ, большею частію, общій видъ всѣхъ горскихъ праздниковъ немногіе измѣняются въ разныхъ мѣлочахъ; и измѣненія эти я постараюсь изложить ниже, во всей подробности.

(Продолженіе будетъ).

КАЗЕННЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

—

Въ Грузино-Имеретинской Казенной Палатѣ на продажу 478 пуд. 2 фун. и 17 зол. казенной красной мѣди, хранящейся на Алвердскомъ мѣднилавленномъ заводѣ, назначенъ торгъ 26 числа Іюля, съ переторжкою чрезъ три дня. — Желающіе купить эту мѣдь, могутъ явиться въ Палату, съ процентными деньгами, на основаніи св. законовъ 10 тома, 1247 статьи, изданія 1842 года.

—

Отъ Грузино-Имеретинской Казенной Палаты симъ объявляется, что въ оной назначенъ торгъ 19 Іюля сего 1846 года, съ узаконенною чрезъ три дня переторжкою, на продажу земли старой фермы, со всѣми постройками, бывшаго Закавказскаго Общества поощренія сельской и мануфактурной промышленности и торговли. — На означенной землѣ открыты нынѣ признаки нефти и, въ случаѣ желанія покупщиковъ, можетъ быть прирѣзано къ старой фермѣ еще до пятидесяти десятинъ казенной земли на разведеніе гутовыхъ деревъ. Почему желающіе пріобрѣсть покупкою помянутое мѣсто съ постройками, имѣютъ явиться въ Грузино-Имеретинскую Казенную Палату на означенные сроки, съ представленіемъ предварительно благонадежныхъ залоговъ и завѣренія мѣстнаго начальства въ томъ, что имѣніе, въ залогъ представляемое, находится въ настоящее время въ томъ положеніи, въ какомъ состояло оно при оцѣнкѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ЧАСТНОЕ.

—

Въ Чевчевадзевской улицѣ, въ домѣ Гг. Резниковыхъ, продаются за отъѣздомъ: коляска работы Адама, дрожки, конская сбруя для упряжки и верховой ѣзды, мебель разная, посуда, книги разныя и другія вещи. Спросить объ этомъ во 2-мъ этажѣ.

ПРІѢХАВШІЕ и ВЫѢХАВШІЕ.

—

Пріѣхавшіе въ Тифлисъ.

28 Іюня: Изъ уроч. Царскихъ-Колодцевъ, Кап. *Арсеньевъ*. 30 Іюня: Изъ Чеч. Отряда, Кап.-Лейт. *Истомкинъ*. Изъ г. Шемахи, Подполковн. *Викторовъ*. Изъ г. Ахалцыха, Кап. *Аташевъ*. Изъ укр. Темиръ-Ханъ-Шуры, Лекарь *Глиценъ*. Изъ г. Кубы, Прапорщ. *Могилевскій*. 1 Ію Изъ уроч. Царскихъ-Колодцевъ, Полковн. *Всеволоцк* Изъ уроч. Бѣлаго-Ключа, Подпоруч. *Скалозубовъ*. 2 Ію Изъ Волынскаго укрѣпленія, Поруч. *Фонъ-Брезбергъ*. 3 Ію Изъ уроч. Манглиса, Маіоръ *Фелькнеръ*. Изъ г. Кер Поручикъ *Житовъ*. Изъ уроч. Бѣлаго-Ключа, Прапо *Глатковъ*. Изъ г. Нухи, Губ. Сек. *Сухотинъ*. 4 Ію Изъ г. Александраполя, Тит. Сов. *Фурдуевъ* и Кол. *Петровскій*.

—

Выѣхавшіе изъ Тифлиса.

28 Іюня: Въ г. Ставрополь, Ген.-Маіоръ *Норденста* Въ г. Кубу, Подполковн. *Евстратовъ*. Въ г. Пятигорс Кап. *Миллеръ*. 29 Іюня: Въ уроч. Царскіе-Колодцы, Г Маіоръ *Хрещатицкій*. Въ г. Пятигорскъ, Полковн. *Ка ловичъ*. 30 Іюня: Въ уроч. Мухровань, Подполковн. *Т детъ*. Въ г. Пятигорскъ, Тит. Сов. *Милевичъ*, Губ. *Пржебзицкій* и Кол. Рег. *Шушеринъ*. 1 Іюля: Въ г. Тел Стат. Сов. *Гагемейстеръ*. 3 Іюля: Въ уроч. Царскіе-Ко цы, Полковн. *Волоцкой*. Въ г. Минскъ, Полковн. *Ча инъ*. Въ Кахетію, Маіоръ *Шеміотъ*. 4 Іюля: Въ у Закъ, Подполковн. *Сиричъ*. Въ С.-Петербургъ, Над *Корсаковъ*. Въ г. Александраполь, Тит. Сов. *Долини*

ТИФЛИСЪ. 6 Іюля 1846 г. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Съ дозволенія Начальства. *Редакторъ О. Константино*